

УДК 811. 512.1/81122

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.31

**О НЕКОТОРЫХ (УМЛАУТ И РОТАЦИЗМ) АСПЕКТАХ ДРЕВНИХ
ИРАНО-ТЮРКСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
И ВОПРОС ОБ ОБЛАСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭНДОЭТНОНИМА БАШКОРТ**

© Г.-Р. А.-К. Гусейнов^{1*}, А. Л. Мугумова²

¹Дагестанский государственный университет
Россия, Республика Дагестан, 367000 г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а.

²Дагестанский государственный педагогический университет
Россия, Республика Дагестан, 367000 г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

Тел./факс: +7 (8722) 68 23 26.

*Email: garun48@mail.ru

Обосновано предположение о тюркском субстратном генезисе явлений умлаута и ротацизма в иранских языках на основе разделяемой автором концепции переднеазиатской локализации тюркской прародины. Максимальной глубиной и большей распространенностью характеризуются в них явления обратной гармонии (умлаута) гласных, допускавшей С. А. Старостиным для праалтайского языкового состояния. Меньшей – явления, присущие отдельным иранским языкам и восходящие к более позднему второму типу ротацизма древних тюркских (булгарских) языков. Последняя черта обнаруживается в диалекте башкарди, занимающем особое положение среди юго-западных иранских языков и расположенном в юго-восточном углу Персидского залива. Высказывается предположение о его древних ареальных генетических связях с башкирским языком, на что указывает также аналогичный характер взаимоотношений эндоэтнонимов башкарди и башкорт.

Ключевые слова: умлаут, ротацизм, иранские, тюркские языки, субстрат, тюркская прародина, переднеазиатский.

Древняя история иранских языков и их ареальных взаимоотношений с соседними во времени и пространстве тюркскими языками еще не становились предметом систематического рассмотрения на фонетическом уровне. Одним из первых сравнительно недавних опытов подобного анализа стала статья одного из авторов этих строк, посвященная несколько иному аспекту соответствующей проблематики [8].

Объектом же контактологического анализа в настоящем исследовании, осуществляемом в порядке постановки вопроса, являются умлаут и ротацизм, присущие рассматриваемым, тюркским и иранским, языкам. Его цель – выявить направление и следствия контактов названных фонетических явлений рассматриваемых языков на различных хронологических уровнях истории их взаимоотношений.

Как обычно полагают, процесс распада арийской языковой общности и выделения из нее иранских языков (диалектов) относится к первой половине II тыс. до н.э. или к рубежу III–II тыс. до н.э. К этому времени они традиционно локализуются на территории Средней Азии и прилегающих областей [17, с. 28, 35].

Причем, согласно переднеазиатской (анатолийско-закавказской) гипотезе локализации индоевропейской прародины, распад индоарийской общности, из которой выделяются иранские языки, относится к периоду не позднее IV тыс. до н.э. и не раньше первой половины III тыс. до н.э. (что соответствует времени существования общеиран-

ского состояния, которое имело место «не позднее рубежа III–II тыс. до н.э.» [20, с. 87], когда носители индоиранских диалектов появляются в северной (!) части Иранского нагорья. Ее авторы – Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов – полагают, что в конце II – начале I тыс. до н.э. восточные иранцы расселяются с территории переднеазиатской индоевропейской прародины в областях Средней Азии и Афганистана, и только не позднее X в. до н.э. ираноязычное [носители будущих западноиранских (!) языков] население оказывается известным в историческом западном Иране [3, с. 914, 917, 920].

Там же, в Передней Азии, некоторые исследователи помещают и тюркскую прародину, предполагая сохранение древнего прототюркского (праалтайского) субстратного ядра в нынешнем центральном Иране (тюркский халаджский язык) [7; 16]. Подобная локализация поддерживается ближневосточным расположением прародины ностратической общности, к восточному подразделению которой относится как раз алтайская группа, распавшаяся в VI тыс. до н.э., что обычно не принимается во внимание противниками данной гипотезы. Еще одно свидетельство: в том же регионе имели место и недавно выявленные контактные лексические связи алтайских (тюркских) языков с шумерским, представленным в Южном Междуречье в IV–III тыс. до н.э. [10, с. 4].

Подобный подход, имея в виду нынешнюю основную область расселения тюркоязычных народов, позволяет предполагать, что в дальнейшем

тюрки продвинулись с территории своей прародины на север к западу и востоку от Каспия – Кавказ и Среднюю Азию [8, с. 91, 93]. Важно и то, что, как полагал в свое время В. И. Абаев, «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык» [1, с. 60]. Все это дает основания полагать, что явления вышеназванного порядка отражаются, прежде всего, в фонетическом строе того или иного контактного языка.

1. К числу проявлений соответствующих фонетических процессов представляется возможным отнести, прежде всего, умлаут (обратную гармонию гласных, обусловленную воздействием утерянных в ряде случаев гласных второго слога на вокализм первого слога, подобно германскому умлауту), присущий, по предположению А. С. Старостина, вокализму праалтайского языка. В нем первоначально отсутствовал сингармонизм, развившийся в последующем из ограничений на сочетаемость фонем [12, с. 538].

Этот процесс носил системный характер и отразился в древнеиранском (VII–VI–IV–III вв. до н. э. [17, с. 129] вокализме, в частности, древнем (традиционно считающемся восточноиранским) авестийском, среднеиранских (восточных) сакском и (западном) среднеперсидском, а также новых (с VIII–IX вв. н. э. [17, с. 17]) юго-западных персидском и таджикском, северо-западных иранских языках, в частности, курдском, в той или иной степени в других иранских и, особенно широко, в пармирских [18].

Вышеизложенное указывает на достаточную древность данного явления, а на его контактный субстратный характер в иранских языках то, что «умлаут не является генетически запрограммированным в индоевропейскую эпоху». Кроме того, как полагают известные иранисты, «его появление в некоторых иранских языках не связано ареальными контактами с соответствующими индоевропейскими языками Европы». И умлаут, известный в германских языках, рассматривается лишь в качестве «типологической параллели к иранскому умлауту» [19, с. 95].

Явления аналогичного порядка, обусловленные обратной гармонией (умлаутом) гласных, обнаруживаются в языках еще одного переднеазиатского региона – Закавказья: наиболее древним из картвельских сванском (сепарация с XIX в. до н. э.), достигавшего в прошлом Черноморского побережья [14, с. 57–58], и периферийном юго-восточном ингилойском грузинском диалекте, в вайнахских диалектах и в зачаточном состоянии в третьем нахском (бацбийском) языке (его носители проживают в северо-восточной Грузии). Все это говорит о том, что прототюрки могли занимать в прошлом и некоторые ареально смежные их прародине регионы Закавказья и Северного Кавказа [9].

2. Другой, вероятнее всего, менее древней фонетической чертой некоторых иранских языков,

также индуцированной тюркским влиянием, является, по всей видимости, второй (*-δ->-г-) тип ротацизма, присущий пратюркскому (булгарскому) языку [13, с. 65] в лице его чувашского и хазарского репрезентатов. Что касается первого наиболее древнего общеалтайского (включая тунгусо-маньчжурские и монгольские языки) типа ротацизма -г- ~ -з-, то он не является общепринятым и принадлежит противникам алтайской гипотезы [2, с. 14]. К их числу относится и уже упоминавшийся известный советский и российский историк, археолог и языковед, специалист по древнетюркской рунике И. Л. Кызласов [15].

Причем областью первоначального распространения этой (булгарской) разновидности пратюркского языка, отделившейся, по лексико-статистическим данным, в – 100–0 г. до н. э. [13, с. 66], был, надо полагать, Кавказ, куда, как было отмечено в предшествующем изложении, его носители продвинулись из пределов своей переднеазиатской прародины. Не случайно именно из северной его части в последующем, уже в нашу эру, протобулгары продвинулись в Поволжье и Паннонию, о чем свидетельствует, в частности, наличие разнообразных булгаризмов в нахско-дагестанских языках [6, с. 20–21; 23].

При этом рассматриваемый тип ротацизма обнаруживается в односложных табасаранских словах, в которых ауслатному поствокальному *δ* южного наречия отвечают *р* северного наречия и *й* дубекского говора. Последнее, в частности, отвечает дополнительному (чувашскому) правилу функционирования данного типа ротацизма, согласного которому, *-δ->*j* в составе кластеров и на конце односложных слов и *-δ-> -г- в интервокале и на конце глагольных корней [4, с. 27–28].

Тем самым еще раз подтверждается первоначальный кавказско-переднеазиатский ареал распространения пратюркского (булгарского) языка, о чем уже говорилось в предшествующем изложении. Причем данная черта присуща также иранскому татскому языку, в котором имеет место переход древнего поствокального (*t > r*, ср. *diran* – перс. *didan* ‘видеть’ и др.), что объясняется как следствие воздействия на него хазарского языка [11, с. 21].

Наряду с этим известным российским иранистом Д. И. Эдельман было обращено внимание на то, что данное явление (переход дентальных смычных в *г*) известно не только юго-западным иранским, как татский, но и диалектам кумзари и башкарди. Кроме того, она же отмечает, что оно присуще и северо-западному талышскому (в юго-западном Прикаспии), а также другим иранским языкам. По ее мнению, данный процесс связан «с определенной типологией фонологических структур [в примечании 3, говоря о типологии переходов дентальных смычных согласных в *l, r*, автор отмечает ее известность «в разговорном английском языке, в русских диалектах и в других языках мира» при том, что при ближайшем рассмотрении сам

факт бытования ротацизма в русских диалектах и разговорном английском языке остается неясным] и фонетических изменений в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой *θ, звонкого звукотипа *δ (наследующего *d и *t в определенных позициях). В результате дентальные смычные легко переходят... в r (в татском, кумзари, диалектах башкарди, талышского и других языков...)» [20, с. 92].

Известно, что говоры кумзари и башкарди находятся в области, прилегающей к юго-восточному углу Персидского залива, будучи окруженными с юга носителями белуджского языка. Первый – кумзари – на южном берегу Ормузского пролива, а носители говора башкарди проживают в гористой местности на юго-востоке Ирана в провинции Хормозган на побережье Оманского залива. При этом последний занимает исторически самостоятельную позицию среди юго-западных иранских языков ввиду того, что «для персов башкардские говоры в значительной степени непонятны» [17, с. 26, 106]. Наряду с этим этноним башкорт/ башкурт наряду с болгар, балкар (они первоначально известны на Кавказе!) относится к числу возможных ламбдаических и сигматических вариантов одного архетипа с пратюркским латеральным спираantom /l/ и имеющим значение ‘вершина, верхушка, макушка’ и может иметь праалтайский характер [5].

Данный факт не исключает древней миграции его носителей не только через Кавказ на север (ср. болгар, балкар), но и в области, прилегающей к юго-восточному углу Персидского залива, где проживают в настоящее время башкарды. В последнем отношении следует иметь в виду, что в башкирском отразилась, наряду с некоторыми иными тюркскими языками, еще одна древняя евразийская (восточноиранско-тюркская) фонетическая изоглосса [8, с. 95–96], свидетельствующая о возможности пребывания какой-то части древних носителей эндоэтнонима башкорт (ср. выше башкарды) в переднеазиатском ареале.

Таким образом, в результате проведенного исследования установлен контактный тюркский субстратный генезис рассмотренных фонетических явлений в иранских языках, которые различаются в них по степени своей древности и ареальной дистрибуции. Максимальной, по всей видимости, праязыковой глубиной при этом характеризуются явления обратной гармонии (умлаута) гласных. Меньшей – рубежа эр – т.н. второго типа ротацизма древних тюркских (булгарских) языков, получившие отражение не только в отдельных (юго-западных) иранских языках, подобно татскому, но и ареально отдаленных диалектах кумзари и башкарди. Дальнейшее более углубленное изучение явлений, связанных с генезисом и историей эндоэтнонима башкорт, составит цель последующей работы авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. Вып. 9. С. 57–69.
2. Алтайские языки. М.: Наука, 1993. 432 с.
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Тбилисский гос. ун-т, 1984. 1423 с.
4. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. 214 с.
5. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К этимологии этнонима башкир/башкурт в историческом и ареальном контексте его взаимоотношений с древними тюркскими языками Северного Кавказа и Дагестана // Мат-лы IV Всерос. научной конф. «Урал- Алтай: через века в будущее». Уфа, 2010. Т. 1. С. 82–86.
6. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Сравнительный анализ булгаризмов языков венгерского, Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в историко-этимологическом и ареальном аспектах // Российская тюркология. 2014. №2. С. 20–26.
7. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые и фольклорные материалы к вопросу о переднеазиатской прародине тюркских народов в контексте проблемы кумыкского лингвостногенеза // Мат-лы Междунар. научной конф. «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (V Бодуэновские чтения). Казань: Казанский университет, 2015. Т. 2. С. 89–92.
8. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К дополнительной интерпретации одной евразийской (восточноиранско-тюркской) фонетической изоглоссы в контексте вопроса о переднеазиатской прародине тюркских народов // Мат-лы Междунар. научной конф. «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (VI Бодуэновские чтения). Казань: Казанский ун-т, 2017. Т. 2. С. 91–98.
9. Гусейнов, Г.-Р. А.-К. Еще одно свидетельство локализации прародины тюрков в Передней Азии: бун-турки и хон(н)у грузинских раннесредневековых хроник // Труды и мат-лы Междунар. научной конф. «Научное наследие В. А. Богородского и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы». Казань: Казанский ун-т, 2018. С. 54–59.
10. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые древние контактные (с шумерским языком) лексические свидетельства первоначальной переднеазиатской локализации алтайских (тюркских) языков // Тезисы IV Междунар. научной конф. «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем». СПб.: Институт восточных рукописей, 2020. С. 4.
11. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. К истории горских евреев по данным взаимоотношений их языка с нахско-дагестанскими и древними тюркскими языками // Тезисы докладов регион. научной конф. «История, историография и этнография горских евреев». Дербент, 2009. С. 19–21.
12. Дыбо А. В. Памяти С. А. Старостина // Антропологический форум. 2005. №3. С. 536–55.
13. Дыбо А. В. Лингвистические контакты древних. РАН Ин-т языкознания. М.: Вост. лит., 2007.
14. Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 208 с.
15. Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 264 с.
16. Кызласов И. Л. К поискам культурных прототипов азиатских рунических надписей: индоевропейские возможности. Scripta in memoriam D. M. Nasilov. М.: МБА, 2019. С. 177–188.
17. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. 387 с.
18. Пахалина Т. Н. О роли умлаута в истории развития вокализма иранских языков // Вопросы языкознания. 1977. №4. С. 89–97.
19. Эдельман А. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Наука, 2002. 230 с.
20. Эдельман Д. И. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. 2009. №1. С. 81–94.

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

SOME (UMLAUT AND ROTACISM) ASPECTS OF ANCIENT IRANIAN-TURKIC PHONETIC RELATIONS AND THE QUESTION OF THE AREA OF INITIAL DISTRIBUTION OF ENDOETHNONYM BASHKORT

© G.-R. A.-K. Guseinov^{1*}, A. L. Mugumova²

¹*Dagestan State University
43-a Gadgiev Street, 367000 Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.*

²*Dagestan State Pedagogical University
57 Jaragsky Street, 367000 Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia.*

Phone: +7 (8722) 68 23 26.

**Email: garun48@mail.ru*

The subject of this contactology study is umlaut and rotacism, which are inherent in Turkic and Iranian languages. Their genesis is considered in order of raising the issue at various chronological levels of the history of the relationships of the languages named above. The assumption of the Turkic substrate genesis of the phenomena of umlaut and rotacism in Iranian languages is justified on the basis of the concept, which is shared by the author, of the Western Asian localization of the Turkic ancestor. The analysis revealed their Turkic origins in Iranian languages in which they vary in degree of their antiquity and areal distribution. The maximum pre-language depth can be characterized by the phenomena of reverse harmony (umlaut) of vowels, proposed by S. A. Starostin for the proto-Altaic linguistic state. This phenomenon is inherent to varying degrees in other Iranian languages and is particularly widely represented in Pamir languages. In Iranian languages, phenomena of the so-called ancient Turkic (Bulgarian) languages are characterized by lesser prevalence and depth. The second type of rotacism is found in the dialect of Bashkardi, which occupies a special position among the southwestern Iranian languages and is located in the south-eastern corner of the Persian Gulf. An assumption is made about its ancient areal genetic connections with the Bashkir language, which is also indicated by the similar nature of the relationship between the endoethnonyms of Bashkardi and Bashkort.

Keywords: umlaut, rotacism, Turkic languages, Iranian languages, substrate, Turkic ancestor, Western Asian.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Abaev V. I. Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniya AN SSSR. 1956. No. 9. Pp. 57–69.
2. Altaiskie yazyki [Altai languages]. Moscow: Nauka, 1993.
3. Gamkrelidze T. V., Ivanov, Vyach. Vs. Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi: Tbilisskii gos. un-t, 1984.
4. Guseinov G.-R. A.-K. Istoriya drevnikh i srednekovykh vzaimootnoshenii yazykov narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom [History of ancient and medieval relations of the languages of the peoples of the Northeast Caucasus and Dagestan with the Russian language]. Makhachkala, 2010.
5. Guseinov G.-R. A.-K. Mat-ly IV Vseros. nauchnoi konf. «Ural- Altai: cherez veka v budushchee». Ufa, 2010. Vol. 1. Pp. 82–86.
6. Guseinov G.-R. A.-K. Rossiiskaya tyurkologiya. 2014. No. 2. Pp. 20–26.
7. Guseinov G.-R. A.-K. Mat-ly Mezhdunar. nauchnoi konf. «I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika» (V Boduenovskie chteniya). Kazan': Kazanskii universitet, 2015. Vol. 2. Pp. 89–92.
8. Guseinov G.-R. A.-K. Mat-ly Mezhdunar. nauchnoi konf. «I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika» (VI Boduenovskie chteniya). Kazan': Kazanskii un-t, 2017. Vol. 2. Pp. 91–98.
9. Guseinov, G.-R. A.-K. Trudy i mat-ly Mezhdunar. nauchnoi konf. «Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodskogo i sovremennyyi vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly». Kazan': Kazanskii un-t, 2018. Pp. 54–59.
10. Guseinov G.-R. A.-K. Tezisy IV Mezhdunar. nauchnoi konf. «Tyurko-mongol'skii mir v proshlom i nastoyashchem». Saint Petersburg: Institut vostochnykh rukopisei, 2020. Pp. 4.
11. Guseinov G.-R. A.-K., Mugumova A. L. Tezisy dokladov region. nauchnoi konf. «Istoriya, istoriografiya i etnografiya gorskikh evreev». Derbent, 2009. Pp. 19–21.
12. Dybo A. V. Pamyati S. A. Starostina. Antropologicheskii forum. 2005. No. 3. Pp. 536–55.

13. Dybo A. V. Lingvisticheskie kontakty drevnikh [Linguistic contacts of the ancients]. RAN In-t yazykoznaniya. Moscow: Vost. lit., 2007.
14. Klimov G. A. Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie [Introduction to Caucasian linguistics]. Moscow: Nauka, 1986.
15. Kyzlasov I. L. Altaistika i arkhologiya [Altaistics and archeology]. Moscow: Institut tyurkologii, 2011.
16. Kyzlasov I. L. K poiskam kul'turnykh prototipov aziat-skikh runicheskikh nadpisei: indoevropeskie vozmozhnosti. Scripta in memoriam D. M. Nasilov [On the search for cultural prototypes of Asian runic inscriptions: Indo-European possibilities. Scripta in memoriam D. M. Nasilov]. Moscow: MBA, 2019. Pp. 177–188.
17. Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Drevneiranskie yazyki [Basics of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages]. Moscow: Nauka, 1979.
18. Pakhalina T. N. Voprosy yazykoznaniya. 1977. No. 4. Pp. 89–97.
19. Edel'man A. I. Iranskie i slavyanskije yazyki. Istoricheskie otnosheniya [Iranian and Slavic languages. Historical relations]. Moscow: Nauka, 2002.
20. Edel'man D. I. Voprosy yazykovogo rodstva. 2009. No. 1. Pp. 81–94.

Received 16.12.2020.